18+

Виталий Кузьмин

Слеза ангела

Виталий Кузьмин

Слеза ангела

«Издательские решения»

Кузьмин В.

Слеза ангела / В. Кузьмин — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Мойры и Парки прядут нити человеческих судеб, но всегда ли предначертанное неотвратимо? Герои двух историй переживают крушение привычного мира, теряют себя и находят силы начать заново. Когда старая нить почти оборвана, из боли, любви и надежды рождается новая судьба — золотой жгут, который не под силу разрубить даже небесному булату. Две истории о падении, возрождении и силе человеческого духа.

© Кузьмин В.
© Издательские решения

Содержание

«Создавая судьбу» 6
Глава 1. Пролог 6
Глава 2. Человек за рулём 7
Глава 3. Деревня из будущего 9
Глава 4. Чужая беда 12
Глава 5. Ужин с привкусом лжи 13
Глава 6. Цена отцовской любви 19
Глава 7. Чужой опыт, своя судьба 22
Глава 8. Правила новой жизни 26
Глава 9. Земля, которая кормит 31
Глава 10. Трещины в привычном мире 34
Глава 11. Когда поздно что-то менять 37
Глава 12. Последние приготовления 40
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Слеза ангела

Виталий Кузьмин

© Виталий Кузьмин, 2026

ISBN 978-5-0071-5497-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Создавая судьбу»
Повесть

Я уезжаю в деревню, чтобы стать ближе к земле;
Я открываю свойства растений и трав.
Я брошу в огонь душистый чабрец.
Дым поднимается вверх, и значит, я прав.
Группа «Аквариум»

Глава 1. Пролог

Когда заканчивается бабье лето, а ранняя зима ещё не начинается, приходит время моросящих дождей, густых холодных туманов, чавкающей грязи. Небольшие заморозки сменяются резким потеплением, которое вскоре уступает место пронизывающему до самых костей осеннему ветру. То он нагонит на тебя волну дождя, и сразу почувствуешь прилипание одежды к телу, то обдаст густым холодным ужасом чего-то неестественного, потустороннего. Низкие свинцово-ртутные тучи добавляют к этому страху безысходность. Безысходность того, что тепла уже не будет, лето прошло. Природа замирает, успокаивается, жизнь вокруг засыпает. И эти дни даны, чтобы подумать о вечном, о смысле жизни, о бытии, укутавшись в тёплый плед, попивая глинтвейн, сидя у потрескивающего камина.

О чём может думать человек, лежащий на полуразбитой лавочке под сводом того, что ещё совсем недавно называлось железнодорожным полустанком? И как бы он ни кутался в свой тёплый военный бушлат и ни натягивал всё ниже простую вязаную шапочку, пощады от ветра ждать не приходилось. Ветер был здесь хозяином, здесь, посреди огромной степи, и даже небольшие, ещё не вырубленные лесополосы не останавливали его. Он разгонялся, захватывая комья сухой травы, набрасывался на кирпичную стену полустанка и своими невидимыми руками умудрялся засунуть за воротник весь этот сор этому странному человеку, который неизвестно что делал в этом забытом всеми месте, который казался мелкой букашкой на огромном просторе степи. Ведь на расстоянии тридцати километров — ни одного хоть маломальски приличного хуторка или домика обходчика. Ветер отступал, смотрел на этого пытающегося заснуть чудака, который время от времени вздрагивал, просыпался, проверяя, на месте ли его рюкзак, поправлял свой бушлат и снова пытался заснуть. Поединок продолжался. Кто кого? Ветер схватил охапку листьев, ещё не упавших с дерева, и опять, разгоняясь, бросил их в то место, где должно было быть лицо. Тупо ударившись в развёрнутую шапочку, они отскочили. Снова вздрогнул, снова проверил свой рюкзак и опять уснул. Последняя попытка. Сейчас решится, кто победит: представитель рода человеческого или одна из сил, существующих вне человеческого рода. Цель ясна и проста — проникнуть в сны, открыть двери и убить. Снова разгон, захватил траву, листья, мряку, атака, пробил броню вязаной шапочки, проник в голову, увидел сны и в ужасе от увиденного убежал как можно дальше от этого человека и места, где он лежал. Наступила тишина. Ветер отступил.

Глава 2. Человек за рулём

Шины джипа приятно шуршали по асфальту. Директор банка «Облинвест» Круглов Владимир Андреевич, мужчина, ещё не достигший сорока лет, спешил домой: он возвращался из командировки. Нервно, скорее по привычке, посматривая на часы и жалея о том, что не увеличил зарплату своему шофёру, который не замедлил после этого уйти, он мысленно торопил машину. Новый водитель Валера был ещё недостаточно опытным, хотя за рулём был уже пять лет. Там, где можно было «гнать», он ехал медленно, но только пытался разогнаться, как попадались участки дороги, обильно усеянные ямами, и приходилось тормозить. Владимир Андреевич посмотрел на часы и подумал: «Уже час, как могли бы быть дома».

Солнце садилось, и уже совсем скоро должно было стемнеть.

— Валер, давай мы немного срежем. Я знаю одну просёлочную дорогу, километров пятнадцать сэкономим, — предложил Круглов.

— Я не против, но я здесь никогда не ездил. Если только подскажете, — немного с тревогой выдавил из себя шофёр.

Он понимал, что шеф на него сейчас сердится и что эта работа, на которую его устраивали чуть ли не все, кто мог, может уже завтра быть не его. Круглов посмотрел на водителя и улыбнулся: он понял, о чём тот сейчас подумал. Нет, увольнять его он не собирался. Машину Валера любил, ухаживал за ней как за своей, и за пять лет его водительского стажа на других предприятиях — ни одной аварии и ни одного серьёзного нарушения. Но самое главное — парень не употреблял спиртного вообще. И ко всему этому, как говорят, имел косую сажень в плечах.

Впереди замаячили какие-то дома, показался посёлок, и мотор заглох.

— Не понял, — крикнул Круглов.

— Я сейчас гляну, — Валера пулей вылетел из машины и начал копаться в моторе.

— Нет… водилу надо менять… — подумал вслух Круглов.

Он потянулся за мобильным: надо было позвонить жене, предупредить, чтобы не волновалась, хотя она и так не волновалась. У них давно уже у каждого была своя жизнь. Он деньги зарабатывал, а она их тратила. Такая себе новорусская семья. Он ей изменял, а она не отставала. Как-то раз застукал её с таким себе «Тарзаном». Хотел её придушить — ревность перерастала в ярость, но помешал Тарзан. Он думал, что сильный и здоровый. Владимир свою агрессию переключил на этого тупого, у которого не было ни ума, ни силы. Он уложил Тарзана двумя ударами и начал избивать ногами, при этом приговаривая: «Ты на кого руку поднял?»

Может быть, так и забил бы его до смерти, если бы случайно не зашёл его водитель и не оттащил своего босса от уже истекающего кровью неудачливого любовника. Ярость потихоньку утихала. Сознание прояснялось. Он понимал, что ещё бы несколько ударов — и срок ему был бы обеспечен. Тарзан, тихо всхлипывая, выполз из квартиры, оставляя за собой кровавый след.

— Отвези его к моему врачу, — бросил он водителю. — Пусть посмотрит этого недоделанного недоумка.

Его жена забилась в угол и с большими от ужаса глазами пыталась понять всё происходящее. Ей было страшно. Она ждала всего чего угодно, но только не такого конца своего любовного вечера.

Владимир посмотрел на свою жену. Ненависть и боль теперь переливались по его телу. Он её так любил. Любил раньше. Любил свою Людку, за которой бегали все пацаны в школе. Они вместе шли по жизни, деля радости, горе, рождение детей. Что случилось? Где расстались? Мысли быстро сменяли одна другую. Что делать? Как дальше жить? Ответа не было.

Он рванул с места, зашёл в первый дешёвый кабак, нажрался как свинья…

Воспоминания потихоньку откатывали. Круглов поймал себя на том, что со стороны это выглядело так, будто новый русский впервые увидел мобильный телефон и тупо на него вылупился. Его это самого рассмешило и немного приподняло настроение, которое тут же опустилось ещё ниже. Он находился в зоне недосягаемости для операторов. В такой себе чёрной дыре, откуда есть только один выход — идти в село, кланяться и просить разрешения позвонить.

— Ну что у нас там, Валерик? — как можно унизительнее спросил Круглов.

— Я… Я не знаю, пытаюсь разобраться, — Валеру бросило в жар.

— Ладно, пошли в село. Вызовем аварийку, домой заодно позвоним, — снисходительно сказал Владимир Андреевич, пытаясь показать, что Валерий не водитель, а совершенно пустое место.

Глава 3. Деревня из будущего

До села идти далеко не пришлось — машина заглохла почти на самой окраине. По мере приближения одного и второго охватывало какое-то странное чувство: что-то подозрительное было в этой глубинке. Остановились. Посмотрели под ноги. Под ногами был отличнейший асфальт, дорога широкая, с разметкой. А вдоль стояли оранжевые урны для мусора через каждые тридцать — сорок метров.

Зашли в первый попавшийся двор, в окнах которого горел свет.

— Стучи, — приказал Круглов.

— Хозяева, есть кто дома? — постучал в окно водитель.

— Громче стучи, может, глухие, — процедил сквозь зубы шеф.

— Хозяева, можно от вас позвонить? У нас машина сломалась, — умоляюще прокричал шофёр.

Тихо отворилась дверь, без всякого лишнего скрипа. Ровной, но старческой походкой, одетый в джинсы и футболку, вышел на крыльцо дед лет семидесяти.

— Не кричи. Не глухой. Что случилось? — так же ровно спросил дед.

Ни в голове Валеры, ни в голове Владимира Андреевича не вязались простые вещи: село, глубинка, первоклассный асфальт, оранжевые урны, дед в джинсах.

— Чего молчите? Чего надо? — вопрошал дед.

Первым из оцепенения вышел водитель.

— Нам это… У нас там машина сломалась, нам бы позвонить, — растерянно сказал шофёр.

— Этим помочь не могу, в селе телефонов нет. Но, может, Голова чем поможет. У него спросите, — так же ровно отвечал дед.

— Голова, конечно, поможет, если в ней что-то осталось, — Круглову показалось, что дед напрочь выжил из ума.

— Пройдёте по улице метров сто, там его дом. У него одного живая изгородь, мимо не пройдёте. Он мужик толковый, чего-нибудь придумает, — продолжал дед.

— Спасибо и на том, — чтобы отделаться побыстрее от деда, грубо прервал Круглов.

Они вдвоём широкими шагами шли по улице, стараясь не пропустить эту живую изгородь. Уже совсем стемнело, в домах зажёгся свет и… И ещё одно удивило наших путников — улица была освещена, и освещена довольно хорошо.

— Владимир Андреевич, — начал Валера, — меня что-то здесь настораживает. Может, это секта какая-нибудь?

— Меня здесь настораживает только одно: что это за Голова, которая нам поможет, — шеф чуть замедлил шаг. — Может, на самом деле какие-то подпольщики какого-нибудь сатанинского направления? Чертовщина какая-то.

— Нет, Голова — это человек, — очень тихо начал водитель. — Так раньше атаман у казаков назывался, да и своих председателей сельсоветов так называют.

— Хорошенькое дело — секта казаков-сатанистов, — уже абсолютно безразлично пошутил Круглов.

Впереди замаячила живая изгородь. Прекрасно ухоженная, с кованой калиткой, она создавала впечатление европейского дворика. Такой дизайн Владимир Андреевич видел довольно часто в Европе, но там такие изгороди мог позволить себе только человек выше среднего достатка, а у нас…

— Так, Валер, не спеши заходить, — предупредительно начал шеф. — Там может быть охрана или, ещё хуже, собаки.

— Да по виду такой красоты я уже сам догадался, что там могут сильно помять, — Валеру очень сильно колотило, сдавали нервы.

Они подошли к калитке и сквозь неё увидели красоту ещё большую, чем снаружи. Прекрасный, огромный газон держал на своём зелёном ковре множество всяких милых стильных штучек, начиная от фонаря освещения и заканчивая двухэтажным особняком в русском стиле.

Во дворе не было ни охраны, ни собак. Не считая огромной лохматой южнорусской овчарки, с которой возилась пара мальчиков-близнецов. И от их возни стоял довольно приличный визг.

Картина вырисовывалась идеальная. Зелёный луг, прекрасный особняк, подсвеченная голубая вода в бассейне, и на всём этом фоне — возня двух детишек лет шести-семи. И всё это чудо было залито светом.

Путники тихо открыли калитку, зашли, осмотрелись. Первыми их заметила собака. Повернула голову, втянула воздух и предупредительно гавкнула. Мальчишки прекратили возню.

— Ребята, отца позовите, пожалуйста, — попросил Валера.

Близнецы подскочили и с криком:

— Папа! К тебе пришли! — вбежали в дом.

Южнорусская овчарка делала вид, что ей совершенно безразличны эти два человека. Казалось, для неё не было чужих — были либо свои, либо ещё не совсем чужие.

На крыльце показался отец семейства. Среднего роста, со светлыми коротко стриженными волосами, спортивного телосложения, одетый в джинсы, русскую косоворотку и… босиком.

Он подошёл к странникам и протянул руку.

— Смирнов Юрий Владимирович, хозяин этого дома, — лаконично, но мягко представился он.

— Круглов Владимир Андреевич, директор банка.

— Валера, водитель.

Знакомство состоялось.

События иногда развиваются не так, как хочешь. Не всё идёт по плану. И если ты не можешь предвидеть, что будет дальше, хотя бы на шаг вперёд, — плыви по течению, иди туда, куда ведёт судьба. Иногда это не только нужно, но и полезно.

Следующие несколько часов навсегда изменили жизнь наших героев. Не в лучшую, не в худшую сторону — просто изменили.

— Прошу ко мне в дом, будете гостями. Вы как раз к ужину, — Юрий приглашал своих новых знакомых, не давая им шанса ни обдумать приглашение, ни отказаться.

— А можно от вас позвонить? — попытался было Владимир. Ведь он всегда был человеком волевым, всегда управлял своей судьбой.

— Русские сказки любите? — спросил хозяин.

— Да, конечно… — было начал Валера.

«???» — подумал Круглов.

— Сначала накорми, напои, в баньке попарь, а потом уже о делах говори, — с открытой, чистой, естественной улыбкой Юрий ввёл гостей в дом.

Снаружи дом не казался большим, но внутри был огромным, что не мешало ему оставаться уютным. Посреди гостиной стоял большой стол, за которым могли разместиться человек двадцать. Он уже был сервирован и накрыт к ужину.

— Валентина, у нас гости! — громко сказал Юрий. — Зови детей и поставь ещё два прибора.

Круглов и Валера переглянулись.

«Попали», — подумали они.

Но потом всё поняли. Кухня была скрыта от глаз, и из гостиной её можно было увидеть только, сидя за столом или стоя рядом.

Вышла хозяйка дома. Лет тридцати, а может, чуть моложе. Чёрные брови, чёрные волосы заплетены в косу. Не худая, но и не полная. Правильные черты лица. И добрая, открытая улыбка.

Одета была во что-то среднее между русским сарафаном и вечерним платьем.

— Познакомься, Валя, это наши гости — Владимир и Валерий, — почти полуофициально представил гостей супруг.

— Валя, — просто и скромно, протянув руку для знакомства, представилась хозяйка дома.

— Очень приятно увидеть в такой глубинке такую прекрасную женщину, — попытался поманерничать Владимир и поцеловал ей руку.

— Здрасьте, — смущённо сказал Валерий и просто пожал руку.

— Новые люди у нас в доме бывают нечасто, в основном вся родня, — всё так же спокойно сказала Валентина и, слегка повернувшись к кухне, продолжила: — Дети, несите ужин.

И совсем ещё недавно стоявшая тишина на кухне наполнилась движением. Как по волшебству из кухни начали выплывать супница и салатницы, ножи и вилки, тарелки для первых и вторых блюд, а самым большим украшением стали два запечённых гуся.

И волна, выносившая всё это, представляла собой три пары близнецов. Они деловито и без суеты подходили к столу и ставили всё, казалось, по заранее определённым местам, словно проделывали это каждый день.

— Это наши дети, — спокойно констатировал хозяин дома.

— Прошу к столу, — пригласила хозяйка.

Голова у Круглова слегка закружилась, и, если бы не рука Валентины, взявшая его под локоть, он, наверное, потерял бы сознание и упал.

Одно из двух: либо он спит и всё это видит, либо он сошёл с ума.

Так не бывает.

Что-то здесь не так. Всё как-то неестественно. Зажиточное село и богатый дом, европейские пейзажи и добрые люди, джинсы и косоворотки, дети и дети…

В голове кружилось: дети.

Глава 4. Чужая беда

У него самого было двое детей — старшая дочь и сын, младше сестры на два года. Он старался для них как мог. При Советской власти — лучшие пионерские лагеря и санатории. С развалом Советского Союза — частная школа, зарубежные курорты, лучшие шмотки, самый престижный институт. Ни в чём не отказывал.

И вот, как гром среди ясного неба, — звонок его друга, начальника ОМОНа.

— Приезжай срочно, это о твоём сыне. У тебя есть полчаса, дальше я ничего не смогу сделать, — чеканил металлический голос.

— Что случилось? Что? — кровь ударила в глаза.

— Это нетелефонный разговор, — звенел металл.

Он был на месте через двадцать минут. Подъехал, как всегда, с тыльной стороны здания. Не успел выключить зажигание, как открылись задние двери, и его друг втолкнул кого-то в наручниках, с чёрным мешком на голове. Затем сел сам.

— Слушай, Володь. Внимательно, — начал друг. — Мы проводили зачистку, отлавливали группу наркокурьеров, тех, кто привозил в город крупные партии конопли. Нас всегда настораживал один момент: почему они проскакивали мимо постов ГАИ.

— А я здесь при чём? — не понимал Владимир.

— Помнишь, я тебе сделал визитку с автографом одного крупного начальника МВД? Где она? — зло спросил уже почти не друг.

— Вот в барсетке… — Владимир полез, покопался, не нашёл, ещё раз перерыл всё, не понимая, в чём дело, и, зло выругавшись, сказал: — Наверное, дома.

— Она? — друг протянул визитку.

— Она. Откуда?

Друг ничего не ответил. Повернулся к тому, кто сидел за спинами, и сорвал с него чёрный мешок.

У Круглова остановилось сердце. В глазах поплыло. Всё внутри оборвалось.

Это был его сын.

— Приди в себя и слушай. Работали мы отделением. Я возглавлял операцию. Казалось, всё просто: тормознули машину, выволокли наружу, связали. Но не тут-то было. Один из них был обдолбанный, достал обрез от винчестера и давай всех поливать. Хорошо, что ребята были в бронежилетах. От машины осталось решето. Трое погибли, а твой, наверное, в рубашке родился — ни царапины. Я его сразу узнал, перетащил в свою машину. С ребятами своими я сам договорюсь, а про нашу дружбу вспоминай как можно реже. Второй раз уже не помогу.

Командир, видевший многое в своей жизни, не мог сдержать себя. По щекам текли слёзы.

Он снял наручники и вышел.

Ничего не сказал отец сыну, только врезал по его заевшейся морде.

Больно.

Больно в душе.

«Где я тебя не досмотрел, где я тебя потерял?» — думал Круглов.

Глава 5. Ужин с привкусом лжи

От воспоминаний Владимира отвела воцарившаяся за столом тишина. Все смотрели на него.

— Извините… Что вы сказали? Я немного задумался, — смущённо произнёс он.

— Ничего страшного, — ободряюще улыбнулся Юрий. — Просто у нас есть одна традиция. Гуся всегда разрезает кто-нибудь из гостей. Будьте любезны.

— Хорошая традиция, — уже бодрее ответил Круглов.

Он поднялся, взял нож и вилку и принялся разделывать одного из запечённых гусей.

— Дорогие гости, чем богаты, тем и рады. Угощайтесь, чем Бог послал, — с мягкой улыбкой сказала хозяйка.

Первыми к блюдам потянулись дети. Они неторопливо, без суеты клали себе то, что мама скромно назвала «чем Бог послал»: картошка пюре, голубцы, блины с красной икрой, жареная рыба, несколько видов салатов.

Валера внимательно наблюдал за ними. Ему совсем не хотелось попасть впросак. К тому же он сидел как раз напротив старшей дочери хозяев, и от этого чувствовал себя ещё более неловко. Немного справившись со смущением, он тоже начал есть, подумав, что уж лучше быть сытым глупцом, чем голодным и напыщенным фраером.

Юрий налил всем вина, кроме младших детей, поднял бокал и произнёс:

— Я рад сегодня принимать в своём доме двух новых друзей. Пусть двери моего дома всегда будут открыты для вас и ваших семей.

Он сделал небольшой глоток и удивлённо посмотрел на Валеру. Тот сразу понял причину этого взгляда.

— Я вообще не пью… Пробовал один раз, но мне не понравилось…

— То, что не понравилось, — это хорошо. А вот то, что совсем не употребляешь спиртного, — плохо, — с добродушной улыбкой ответил хозяин. — Я же предлагаю не какую-нибудь вонючую водку или самогон, а хорошее вино. Его пили многие великие мира сего. Хотя… как знаешь. Это твоя жизнь, тебе и решать.

Юрий подмигнул Валере.

— Вино действительно великолепное, — неожиданно для самого себя сказал Круглов. — Французское?

— Нет, своё, — с нескрываемой гордостью ответил Смирнов. — У меня два гектара виноградника.

— Знаете, я неплохо разбираюсь в винах, но такого ещё не пробовал. Оно намного интереснее многих дорогих сортов. Сколько ему лет?

Юрий заметно оживился.

— Этому выдержка восемь лет. Всё это время вино хранилось в подвале, где температура круглый год держится около восьми — десяти градусов. Хотя, если честно, это ещё не лучшее, что у меня есть.

Он говорил с удовольствием человека, которому приятно поделиться плодами собственного труда.

Валера украдкой посмотрел на своего шефа.

«Завтра я, скорее всего, уже не буду у него работать… Так почему бы не попробовать?» Он осторожно сделал первый глоток. По телу сразу разлилось приятное тепло. Вино оказалось удивительно мягким, словно солнечный свет, сохранённый в стеклянной бутылке. Даже гусь вдруг показался вдвое вкуснее.

Здесь вообще всё было каким-то необычным. Будто существовал другой мир — спокойный, добрый, неторопливый. Мир, совсем не похожий на тот, из которого они приехали.

Вино постепенно снимало напряжение, вязался разговор. Младшие и средние близнецы ушли спать. За столом остались только старшие — София и Игорь. Они время от времени вступали в разговор, удачно шутили, и гости всё чаще смеялись уже совершенно искренне.

На вид обоим было лет по двадцать. София была удивительно похожа на мать: те же тёмные волосы, заплетённые в косу, те же чёрные брови и открытый, добрый взгляд. Игорь — крепкий, широкоплечий парень с немного угловатыми чертами лица, которые нисколько его не портили.

— Извините за любопытство, — начал Владимир, — но вот вам, Валентина, на вид чуть больше тридцати, а старшим детям уже лет по двадцать. Они ваши родные?

Валентина улыбнулась и машинально посмотрела на детей.

— Все шестеро мои. Родные. Бог дал нам такое счастье. А мне не тридцать… Уже сорок.

Валера даже перестал есть.

Он удивлённо перевёл взгляд с детей на хозяйку.

— Шестеро?..

— Все шестеро, — спокойно повторила Валентина. — И ни одного не променяла бы ни на какие богатства.

Она говорила просто, без тени хвастовства, словно речь шла о самой обычной вещи.

Владимир ещё раз посмотрел на детей. В его голове никак не укладывалось то, что он услышал. Шестеро детей. Не чужих. Не приёмных. Своих.

— Расскажите о них, — неожиданно для самого себя попросил он.

Ему и самому было странно, что этот вопрос его действительно заинтересовал.

Валентина улыбнулась.

— Замуж за Юру я вышла в двадцать лет. Мы тогда оба были студентами. Почти сразу я забеременела. Роды прошли нормально, но каким же было наше удивление, когда оказалось, что у нас двойня.

Она посмотрела на старших детей.

— Первой родилась София, через двадцать минут появился Игорь.

— Тяжело было? — спросил Валера.

— Тяжело, — честно ответила Валентина. — Но это была такая тяжесть, которую несёшь с радостью.

Она немного помолчала.

— Потом был перерыв. Пять лет. Много работы, много забот. Мы с Юрой строили свою жизнь, осуществляли мечту. А когда поняли, что для неё не хватит и трёх жизней, решили, что хотим ещё ребёнка.

Она улыбнулась.

— И снова получили двойной подарок.

— Вероника и Надюша, — тихо подсказал Юрий.

— Да. А потом опять работа, дети, заботы. Казалось бы, можно остановиться. Но через восемь лет мы снова решились. И опять судьба пошутила над нами.

Она посмотрела в сторону окна, за которым недавно играли младшие мальчики.

— Глеб и Всеволод.

— Те самые, что с собакой во дворе? — уточнил Валера.

— Да. Наши младшие.

Владимир слушал молча. Ему было непривычно слышать, как человек говорит о таких больших заботах не с усталостью и раздражением, а с каким-то спокойным счастьем.

— Валентина, можно нескромный вопрос? — спросил он. — Почему ваши старшие дети ещё не создали семьи?

— На это есть свои причины, — немного задумалась она. — Но главная, наверное, в том, что они учатся.

— И на кого же? — спросил Владимир с лёгкой усмешкой. — Сейчас ведь многие выбирают более выгодные направления. Юристы, экономисты, менеджеры…

— София учится на врача, — ответила Валентина. — А Игорь заканчивает стоматологический факультет. Остался последний год.

Она улыбнулась.

— Сейчас они дома на каникулах, помогают нам.

Немного помедлив, добавила:

— Правда, у Игоря есть девушка. Мы уже знакомы с её семьёй, — она чуть смутилась.

Владимир заметил это.

— А почему именно эти профессии? — спросил он уже у молодых людей. — Ведь можно было выбрать что-то более перспективное. Город, хорошая работа, карьера…

Игорь спокойно посмотрел на него.

— Нашему посёлку нужны свои врачи, — он пожал плечами, — когда закончим учёбу, вернёмся сюда работать.

Владимир не удержался:

— И вас это устраивает? Не хочется увидеть другой мир? Пожить в городе? Ночные клубы, развлечения, компании? Стать успешными, богатыми? Ведь город — это большее.

София посмотрела на него внимательно. Не с раздражением. Скорее с удивлением.

— А почему вы решили, что город — это обязательно большее? — спросила София.

Владимир удивлённо посмотрел на неё.

— Потому что там больше возможностей.

— Возможно, — спокойно ответила девушка. — Только возможности бывают разные.

Она немного помолчала, подбирая слова.

— Знаете, мне кажется, многие люди едут в город не потому, что действительно хотят там жить. Они просто думают, что там начинается настоящая жизнь.

— А разве нет? — с лёгкой улыбкой спросил Владимир.

София тоже улыбнулась.

— Не знаю. Я никогда не жила в городе. Но я вижу людей, которые там живут.

Она посмотрела на родителей.

— Они всё время куда-то спешат. Утром работа, вечером дорога домой, потом бытовые дела. И вроде бы человек всю жизнь старается ради семьи, ради детей… а иногда получается так, что именно на семью времени и не остаётся.

За столом стало тише.

— Дети растут, — продолжала София. — Их водят в садик, потом в школу. Их воспитывают учителя, тренеры, интернет, телевизор… Кто угодно, только не родители.

Она вздохнула.

— И самое грустное, что многие даже не замечают этого. Они ведь не плохие люди. Они стараются. Просто однажды просыпаются и понимают, что годы прошли.

Владимир слушал молча. Эти слова почему-то задевали его сильнее, чем он ожидал.

— Но ведь нельзя всем жить в деревне, — сказал он. — Кто-то должен строить города, развивать промышленность, создавать новые технологии.

— Конечно, — сразу согласилась София. — Я не против города. И я не против денег.

Она посмотрела прямо на Владимира.

— Деньги нужны человеку. Но они должны быть инструментом, а не смыслом жизни.

Юрий внимательно слушал дочь, но не вмешивался.

— Мне просто кажется неправильным, когда человек всю жизнь строит дом, покупает вещи, зарабатывает деньги… а потом вдруг обнаруживает, что рядом с ним никого нет.

Она посмотрела на младших братьев и сестёр.

— Для меня счастье — это не только иметь что-то. Это ещё и кому-то отдавать.

В комнате снова стало тихо.

— Может быть, я слишком молодая и чего-то не понимаю, — продолжила София. — Но я хочу прожить жизнь так, чтобы потом не жалеть о времени, которое потеряла.

Она задумалась.

— Я не хочу вспоминать только количество заработанных денег, дорогие вещи или развлечения.

София улыбнулась.

— Мне хочется помнить людей. Их лица. Их радость. Хочется знать, что кому-то стало лучше от того, что я была рядом.

Она немного помолчала.

— Мне кажется, человек отличается от животного не только тем, что умеет думать. Человек ещё умеет любить, заботиться, создавать что-то после себя.

Она посмотрела в окно, где за стеклом темнел сад.

— Наверное, каждому важно оставить после себя что-то большее, чем просто след на земле.

София снова перевела взгляд на гостей.

— Оставить память. Оставить добро. Оставить имя, которое будут вспоминать с любовью.

Игорь немного помолчал, потом спокойно сказал:

— Знаете, мне кажется, вы просто не совсем понимаете нашу жизнь.

Он говорил без обиды и без желания доказать свою правоту.

— Это нормально. Чтобы понять, наверное, надо здесь вырасти.

Он посмотрел на отца.

— Мы тоже не всегда думали о деревне так, как сейчас. Просто с детства привыкли к другой жизни.

Игорь улыбнулся.

— У нас никогда не было ощущения, что мы чего-то лишены.

Владимир удивлённо поднял брови.

— Но у вас же не было того, что есть у городских детей.

— А что именно? — спросил Игорь.

Круглов задумался.

— Ну… развлечений. Возможностей. Другого уровня жизни.

Игорь улыбнулся.

— Наверное, у нас был просто другой уровень.

Он сделал небольшой глоток вина.

— Отец всегда брал нас с собой. Не потому, что ему некуда было деть детей. Просто он хотел, чтобы мы всё видели и понимали.

Он начал загибать пальцы, вспоминая.

— Помню кукурузное поле. Мы были маленькими, и оно казалось нам настоящими джунглями. Мы бегали между высокими стеблями и думали, что заблудимся навсегда.

На лице Игоря появилась улыбка.

— Помню сад. Мы росли вместе с ним. Сначала мы были маленькими, и деревья были выше нас. Потом деревья стали старше, а мы выросли.

Он посмотрел на Юрия.

— Помню первые грозди винограда, которые мы срезали сами.

Юрий улыбнулся.

— А ещё пасеку, — продолжил Игорь. — Сколько раз нас пчёлы кусали…

За столом засмеялись.

— Но всё равно мы туда снова шли.

Он задумался.

— Были лошади. Были посадки леса. Были прогулки к пруду.

— К тому самому, что во дворе? — спросил Валера.

— Да. Его отец практически сам сделал. Для нас это было обычным местом. А сейчас понимаю, что это было настоящее богатство.

Игорь посмотрел в сторону окна.

— Мы росли не среди вещей. Мы росли среди событий.

Эта фраза неожиданно повисла в тишине.

— Клубничное варенье, шашлык из собственного мяса, запах свежего сена…, казалось бы, мелочи. Но почему-то именно их потом помнишь.

Он улыбнулся.

— Утренняя роса. Восход солнца. Пение птиц. Прохлада раннего утра. Купание в озере, когда вода ещё холодная, а солнце только начинает подниматься.

Он засмеялся.

— Правда, отец сначала ругался, что мы опять полезли в воду до завтрака.

Юрий покачал головой.

— Было такое.

— А ещё баня. Берёзовые веники. Запах свежей древесины. Сенокос. Осенняя листва.

Игорь посмотрел на Владимира.

— Вот из этого складывается жизнь.

Он немного помолчал.

— Может быть, у нас меньше денег, чем у кого-то в городе. Но у нас было детство.

Владимир слушал молча. Он смотрел на этих людей и не мог понять, что именно его так задевает. С одной стороны, всё казалось странным. Село. Большая семья. Дом. Обычная работа. Никакой показной роскоши. А с другой…

Он видел то, чего давно не замечал в своей собственной жизни. Они были вместе. Не просто жили под одной крышей, а действительно были семьёй.

Он посмотрел на Юрия и Валентину. Они спокойно переглядывались, иногда улыбались друг другу, и в этих взглядах было что-то давно забытое для Владимира. Тепло. Уверенность. Доверие. То, чего нельзя купить. Он невольно вспомнил свой дом. Большой. Красивый. Дорогой. И почему-то пустой.

Конечно, у него были дети. Он всё им дал. Лучшие школы, отдых, деньги, возможности. Он делал всё, что должен делать хороший отец. По крайней мере, так он всегда думал. Но почему-то сейчас, сидя за чужим столом, среди незнакомых людей, он вдруг почувствовал какое-то странное беспокойство.

Будто кто-то тихо задал ему вопрос, на который он пока не хотел отвечать.

«А ты действительно был рядом?»

Владимир Андреевич раздражённо отогнал эту мысль. Нет. Он не собирался заниматься самоанализом. Он всю жизнь принимал решения сам. Он добился всего сам. Он обеспечил свою семью. Разве этого мало?

— Хорошо у вас, — неожиданно для себя произнёс он.

Юрий посмотрел на него.

— Хорошо, — ответил просто, без гордости, без желания доказать что-либо.

— А знаете, — продолжил Круглов, — я даже немного завидую.

Он сам удивился своим словам.

— Чему? — спросила Валентина.

Владимир посмотрел на детей.

— Не знаю…

Он улыбнулся.

— Наверное, тому, что вы всё это цените.

На несколько секунд за столом повисла тишина. Но это была не неловкая тишина. Скорее тишина людей, которые услышали что-то важное. Юрий поднял бокал.

— Давайте выпьем за то, чтобы человек всегда понимал, что у него есть.

Все подняли бокалы.

Даже Валера, который ещё недавно вообще не хотел прикасаться к вину.

Позже, когда разговоры стали тише, а за окнами окончательно наступила ночь, Владимир поймал себя на странной мысли. Ему не хотелось уходить. Не потому, что он устал. Не потому, что машина сломалась. Просто впервые за долгое время ему было спокойно. Он не решал проблемы. Не подписывал документы. Не считал деньги. Не доказывал, что он сильнее других. Он просто сидел за столом среди людей. И этого почему-то оказалось достаточно.

Глава 6. Цена отцовской любви

В воздухе повисла напряжённая тишина. После слов Софии и Игоря спорить уже никто не хотел. Каждый остался при своём. Дети были уже достаточно взрослыми, имели собственное представление о жизни — не праздное, не построенное по принципу «заработал, погулял и хорошо». Их взгляды были осмысленными, и спорить с ними было трудно, да и незачем. Но Владимиру Андреевичу от этого легче не становилось. На душе остался неприятный осадок.

— Володь, давай я угощу тебя десертным вином, — первым нарушил молчание Юрий, словно почувствовав, что разговор пора увести в сторону.

— Да, давай. Я не против. Вино у тебя хорошее. Как в лучших домах Лондона и Парижа, — попытался пошутить Круглов.

— Пойдёмте, мужики, на веранду. Пусть женщины убирают со стола, — предложил хозяин.

На веранде стояли плетёные кресла и небольшой деревянный стол. Отсюда открывался вид на тихий двор, а вечерний воздух уже начинал пахнуть прохладой и осенними листьями. Всё здесь дышало спокойствием, чем-то старым, добрым, почти патриархальным, но при этом удивительно уютным.

Владимир опустился в кресло. Юрий неторопливо разливал вино по бокалам. Валерий всё ещё беспокойно ходил из стороны в сторону.

— Что ты мечешься, Валера? — спросил шеф.

— Владимир Андреевич… а машина? — нерешительно спросил водитель.

— Твои проблемы. Решай. Пропадёт — спрошу по полной программе, — почти равнодушно ответил Круглов.

Юрий вопросительно посмотрел на Валерия.

— Что у вас случилось?

— Джип заглох… Позвонить бы, аварийку вызвать, — виновато пробормотал тот.

— А где он стоит?

— Прямо возле первого дома.

— Закрыли?

— Конечно.

Юрий улыбнулся.

— Тогда успокойся. За одну ночь здесь с машиной ничего не случится. Пусть стоит. Ночуете у меня. Телефонов в посёлке нет, мобильная связь сюда не добивает. А утром позову нашего автослесаря. Мужик золотые руки — за полчаса поставит ваш джип на колёса. Так что отдыхайте.

В этот момент на веранде появилась София.

— Мужики, кто спать будет? Давайте провожу.

— Да мы с Андреичем ещё, наверное, посидим, — ответил Юрий. — А вот Валеру проводи. Ему завтра рано вставать.

— Пап, а можно я завтра на сборе помидоров поработаю?

— А на консервном почему не хочешь?

— Светкина семья завтра на помидорах будет. Хочу с ней побольше пообщаться.

— Если есть желание — пожалуйста, — спокойно ответил Юрий.

Было видно, что вопрос для него не принципиален. Он доверял детям, но при этом всё держал под своим незаметным контролем.

Юрий снова наполнил бокалы.

— Ну… тогда за дочерей.

Владимир медленно поднял бокал. «За дочерей…» Вино оказалось сладким. Почти приторным. «Эх, доченька…» И словно кто-то распахнул давно закрытую дверь памяти. Он помнил её всю.

Первые шаги. Белые банты. Разбитые коленки. Первую школьную линейку. Казалось, ещё совсем недавно Юлька, смеясь, сидела у него на плечах и, крепко обхватив за шею, просила идти быстрее.

Когда она успела стать взрослой?

Не успел он отправить сына за Урал, надеясь спасти его от дурной компании, как новая беда обрушилась на семью, перечеркнув последние надежды.

Утро. Начало рабочего дня. Планёрка. Первый телефонный звонок.

Владимир Андреевич поднял трубку. Слушал долго. Лицо медленно побледнело. Потом налилось кровью. В пальцах хрустнул карандаш.

— Вези, — коротко бросил он.

Положив трубку, повернулся к секретарю:

— Меня нет. Все встречи перенести на вторую половину дня. Когда придёт Кузнецов — сразу ко мне.

Через час дверь кабинета осторожно открылась. Кузнецов вошёл, но долго не решался поднять глаза.

— Говори. Не бойся. Я хочу знать всё, — тихо сказал Круглов.

— Владимир Андреевич… вы ведь знаете, что мой брат… не последний человек среди бандитов…

— Кто же Сашу Кривого не знает? Не тяни.

Кузнецов тяжело вздохнул.

— Вчера он позвал меня в кабак. Посидеть, отдохнуть. Кроме него были ещё двое его дружков. Выпили. Потом решили вызвать девочек.

Он снова замолчал.

— Один сказал, что знает такую… которой всё равно — один мужик или целый взвод. Что у него есть подпольная студия, где она снимается на кассетах… Позвонил ей…

Кузнецов запнулся.

— Приехала…

Он наконец поднял глаза.

— Это была… Юля.

В кабинете повисла тишина. Казалось, даже воздух стал тяжелее. Владимир медленно опустился в кресло. Несколько секунд он просто смотрел перед собой.

Потом глухо спросил:

— Хватит звездеть. Кассеты давай.

Кузнецов молча протянул пакет. Дрожащими руками. Владимир вставил кассету в видеомагнитофон. Экран засветился. Он смотрел молча. Не задавал вопросов. Не ругался. Когда запись закончилась, он так же молча нажал кнопку, выключил телевизор и ещё несколько секунд сидел неподвижно. Потом открыл сейф. Достал пять тысяч долларов. Протянул Кузнецову.

— На. Молчи. Никому ни слова.

Кузнецов взял деньги не сразу.

— Кто ещё видел? — спросил Круглов.

— Из знакомых — никто.

— А вообще?

Кузнецов отвёл взгляд.

— Думаю… полгорода уже.

Владимир закрыл глаза. Он впервые в жизни почувствовал себя человеком, который не может купить самое главное. Домой он приехал молча. Юлька ещё спала. Он достал кассету, вставил её в видеомагнитофон и нажал кнопку.

Экран вспыхнул. Несколько минут Владимир раздумывал. Лицо становилось всё жёстче. Он подошёл к кровати дочери и резко схватил её за волосы.

— Вставай!

Юля вскрикнула, не понимая, что происходит. Отец почти силой вытащил её в гостиную и толкнул к телевизору.

— Смотри!

Она подняла глаза на экран. Несколько секунд молчала. Потом равнодушно отвернулась.

— Что это? — голос Владимира сорвался. — Что?! Чего тебе не хватало? Денег? Заграничных поездок? Лучшей одежды? Машины? Зачем? Зачем?!

Юля лишь пожала плечами.

— Да пошёл ты…

Эти два слова прозвучали спокойно. Будто она говорила с совершенно чужим человеком.

— Моя жизнь. Что хочу, то и делаю. Мне так нравится. Чем больше мужиков, тем мне лучше.

У Владимира потемнело в глазах.

— Пошла вон из дома! — закричал он. — Стерва… шлюха… дура…

Она спокойно поднялась. Не плакала. Не оправдывалась. Взяла сумочку, документы, косметичку.

У двери только бросила через плечо:

— Да и уйду.

Дверь закрылась. Он ещё долго стоял посреди комнаты. Казалось, вместе с ней из дома ушло что-то гораздо большее, чем дочь. Ушла последняя надежда вернуть прежнюю жизнь.

…

С тех пор прошёл почти год. Он пытался найти Юлю. Просил знакомых. Подключал людей. До него доходили какие-то слухи, но он уже не понимал, где правда, а где чьи-то выдумки. Людке было всё равно. Она всё чаще выпивала. Почти перестала бывать дома. О своих детях словно забыла. Владимир всё чаще ловил себя на одной и той же мысли.

«Где я ошибся? В какой момент потерял сына? Когда перестал понимать дочь? Почему, стараясь дать им всё, я не смог дать самого главного?»

Ответов не было. Были только вопросы. И с каждым прожитым днём их становилось всё больше.

Глава 7. Чужой опыт, своя судьба

От мыслей Круглова отвлёк голос Смирнова.

— Попробуй, Володь, яблоки. Не яблоки, а мёд. Сам этот сад сажал, ухаживал. Сейчас зайдёшь, когда яблоки спеют, — кругом аромат стоит, в голову бьёт. Приятно.

— А ты давно здесь? — Круглову всё-таки хотелось разобраться, что и как появилось здесь.

— Больше двадцати лет. Почти половина всей моей жизни, — с некоторой гордостью ответил Юрий.

— У тебя, наверное, отец был колхозником?

— Колхозником? Ха-ха… — рассмеялся Юрий. — Колхозником. Никогда не догадаешься, кем был мой отец.

— Тогда я вообще ничего не понимаю, — почти сердито сказал Круглов. — Я видел многие страны, видел многие посёлки, но не могу понять одного: откуда посреди нашей страны — часть Европы? Хороший асфальт, чистые улицы, урны, освещение. Люди добрые и счастливые. Хочу позвонить, а у вас даже телефона нет. Зато есть электричество и газ. Ваши дети не бегут в город, а хотят остаться в селе. Учатся не на престижных специальностях, а на тех, которые нужны селу. Я ничего не понимаю. Вы прямо какие-то сектанты.

— Вот ты говоришь, много стран объездил. Сколько?

— В двенадцати был точно. И по нескольку раз, — почти язвительно ответил Владимир.

— А я объездил почти полмира с отцом, — задумчиво произнёс хозяин.

— У тебя отец путешественник, что ли? — усмехнулся директор банка.

— В те годы быть путешественником было практически невозможно. Я тебе немного расскажу про жизнь отца и про себя. Устраивайся поудобнее.

Юра подлил Круглову ещё немного вина.

Круглов понимал, что прикоснулся к чему-то такому, с чем ещё не встречался в жизни. И это было такой же реальностью, как всё, что его окружало.

Этот рассказ должен был открыть ему жизнь, о которой не пишут в газетах и не показывают по телевидению. Ему предстояло увидеть мир не глазами большинства и не сквозь призму официальной власти.

Это был живой, наполненный любовью и действием мир.

Круглов устроился поудобнее, отпил вина и стал слушать.

— Мой отец родился в самом начале войны. Вместе с родителями уехал в эвакуацию за Урал. Его отец, мой дед, был крупным инженером, поэтому на фронт его не забрали.

Когда отец рассказывал о детских годах, то всегда вспоминал три вещи: тёплые руки матери, улыбку отца на чёрном, обветренном, закопчённом сажей лице и чувство голода.

Когда ему исполнилось два года, мать отдала его в детский сад, а сама стала к станку на заводе, где работал её муж.

Все военные годы он и провёл так: утром — в садик, поздно вечером — домой. Родителей видел мало.

А День Победы он помнил хорошо, ярко. Только потому, что у родителей был выходной. Первый выходной за все годы его детства.

Они целый день провели дома вместе.

Мама почему-то плакала, но при этом постоянно улыбалась.

Отец, взяв его на руки, рисовал вместе с ним ту счастливую жизнь, которую они будут строить.

Это был самый счастливый день в его жизни.

И в том же году он пошёл в первый класс.

Но счастье не может длиться вечно.

Вымотанный напряжённой работой за годы войны, подорвав здоровье в сорокоградусные морозы, через год умер отец.

Мать воспитывала его одна, как и многих детей того времени.

Он помнил те годы: не хватало хлеба, было холодно, тесно в коммунальной квартире.

Но жизнь постепенно налаживалась.

А когда ему становилось совсем тяжело, он доставал рисунки отца, чудом сохранившиеся, и мечтал.

Мечтал.

Партия обещала светлое будущее.

Он, как и все, стал пионером, потом комсомольцем.

А когда ему исполнилось четырнадцать лет, мать второй раз вышла замуж.

Отчим был старым другом отца, тоже инженером, тоже вдовцом.

Моего отца он любил и сыграл в его жизни немалую роль. Помог выбрать специальность, пристроил на работу.

Мой отец был консультантом по культуре в посольстве СССР во Франции, почти дружественной нам тогда стране.

Работая там, он не переставал мечтать о том, о чём когда-то мечтал вместе с отцом.

Нечасто ему удавалось бывать в неофициальной обстановке в домах французов. Но когда он попадал в сельские районы, то видел то, чего никак не мог понять.

Страна, пережившая войну, давно отстроилась.

Люди жили богаче и сытнее.

А он слишком хорошо помнил кукурузный хлеб и кукурузные булочки своего детства.

Всё чаще отец бывал в семьях знакомых французов. Но человеку, выросшему в партийной идеологии, было трудно понять, почему всё получилось именно так.

Почему простой фермер может иметь свой дом, землю, технику и при этом не считать себя каким-то богачом?

Почему в деревнях нет того, что он видел у нас?

Вопросов становилось всё больше.

Ответов — тоже.

Но пока он не хотел произносить их вслух.

Через некоторое время отца отозвали на учёбу. Ему готовили новую должность.

Он вернулся в СССР и решил провести небольшой отпуск где-нибудь в селе.

А получилось так, что за двадцать дней он проехал половину Советского Союза.

Видел богатые сёла.

Видел и такие, где на всё село оставалось три дома, в которых доживали свой век старики.

Но ни одно из увиденных им сёл не дотягивало до французских ферм.

Везде чувствовалось дыхание производства.

Везде люди работали.

Но результат этой работы почему-то был совсем другим.

Новая должность была ответственной. Он попал, мягко говоря, «в свиту Брежнева». И если практически вся эта свита была привязана к генсеку, то мой отец, наоборот, часто ездил в загранкомандировки. В одну из таких командировок он уже ехал с женой. Женился отец довольно поздно — в тридцать лет. Потом родился я. Но моим воспитанием в основном занималась бабушка. Родителей я видел редко.

Впрочем, для того времени это была довольно типичная ситуация.

Я стал октябрёнком, потом пионером, комсомольцем. Коммунистической идеологией был пропитан насквозь. И когда первый раз, лет в пятнадцать, отец взял меня с собой в поездку, я не знаю, как он этого тогда добился, но я взял и приколол к пиджаку комсомольский значок.

Сначала мне поменяли школьный костюм на другой. Но я и на него приколол свой значок. Я хотел показать этим капиталистам, кто находится в первых рядах передовой молодёжи.

Во вторую поездку я его уже не прикалывал.

Отец мне ничего не говорил. Он просто возил меня с собой: то в Европу, то в Азию, то в Африку, то в Америку.

А когда был отпуск — возил по нашей стране.

И однажды я задал ему вопрос, за который по тем временам вполне могли посадить.

Отец посмотрел на меня и сказал:

— Не спрашивай. Смотри и анализируй. Я уже ответ знаю.

Брежнев умер.

После похорон отец пришёл к своему шефу и, мотивируя тем, что здоровье уже не то, попросил поставить его директором совхоза или председателем колхоза. Его просьба всех удивила. Но особо копаться, почему ему вдруг захотелось в сельское хозяйство, не стали. И так было ясно: новый генсек наберёт себе новую свиту. А когда стали решать, куда же его поставить, отец сказал, что, если можно, он сам предложит место.

И предложил такую тьму-таракань, что его шеф только покрутил пальцем у виска, но добро дал.

Отец пришёл домой, собрал семейный совет и поделился своими планами.

Мать его уважала. Заграничные поездки её не разбаловали, и она согласилась почти сразу. А я уже был готов к такому повороту событий.

Оставалось одно — у меня была девушка, на которой я собирался жениться.

Нужно было посвятить её в планы нашей семьи. Валя согласилась.

Не всё ей было понятно, да и страшно, наверное, было. Оставались её родители. Переговоры с ними заняли почти год.

Когда мы приехали в этот колхоз, из всех колхозников там оставались только две старухи и один глухой дед — председатель. Вся его работа заключалась в том, чтобы два раза в год написать бумагу.

Первая звучала так:

«В колхозе „Светлый путь“ посевная не проводилась по причине отсутствия людей, техники и семян».

Это была первая бумага.

Вторая:

«Уборочная в колхозе „Светлый путь“ не проводилась по причине не проведения посевной, которая не проводилась по причине отсутствия людей, техники и семян».

Юрий усмехнулся и отпил вина.

— Вот и всё хозяйство, которое мы приехали поднимать.

Приехали мы не с пустыми руками. Были деньги, свой автомобиль. Чуть позже нам выделили трактор и грузовик.

А в самом начале встал вопрос: где жить?

Эти три колхозника жили в одном доме, чтобы меньше дров рубить.

Были ещё два дома — один без крыши, второй без дверей. Выбрали тот, который без дверей.

Работали…

Нет.

Жили так: подъём в полпятого, работа в пять, обед в полдень, ужин — как стемнеет.

Практически так и сейчас живём.

Потом в стране пошли всякие перемены, перестройки. В общем, в стране начинался развал, а о нас просто забыли. Всеми правдами и неправдами получили землю в собственность. Работаем только на себя.

У нас здесь такая себе община.
Земля деньги приносит немалые…

Глава 8. Правила новой жизни

— А как налоги? — перебил Круглов.

— А налоги я плачу. За землю плачу. Остальные налоги я оставляю общине…

— То есть себе? — съехидничал Круглов.

— Я не собираюсь отдавать половину своего труда какому-то дяде, который купит себе новую дачу или потратит деньги неизвестно на что. Мои налоги — в моей собственной налоговой политике. Моя налоговая политика забирает у меня сто процентов моего труда, но она справедлива, и я доволен ею. А ещё довольны пятьдесят семей, которые теперь здесь живут. Я трачу свои деньги на счастливую жизнь всех, кто захочет…

— Отдельно избранных? — не прекращал язвить директор банка, делая ударение на слове «избранных».

— Избранных, потому что путь свой они избрали сами. Я им только предложил. И не каждый согласится у нас остаться: работать с утра до ночи, подстраивать свой характер под требования общины. Тот, кто не хочет праздной жизни, а хочет оставить после себя добрый след, не боится тяжёлой работы — остаётся у нас…

— А как же сироты, старухи, люди с малым достатком, которые нуждаются в средствах к существованию? Кто им поможет? — уже почти зло спросил Круглов.

— Всех накормить и обогреть я не смогу. Но скольким смогу — тем и помогу. Те трое стариков, которые жили здесь до нашего приезда, до сих пор живут в посёлке. Мы обеспечиваем их полностью: продуктами, одеждой, отремонтировали дома и поддерживаем их в порядке. У них горячая вода, хорошее отопление. Когда нужно — привозим врача. И многое другое.

Юрий посмотрел на Круглова.

— Вот ты скольким помог?

— Я каждый год отдаю процент от своих доходов на благотворительность. А это немалые деньги. Помогаю детскому саду, школе…

Круглов говорил это и понимал, что часть его денег, скорее всего, просто исчезает неизвестно куда. И он тоже не мог всех накормить и обогреть.

— Вот видишь, — спокойно сказал Смирнов. — Иногда проще сделать вид, что занимаешься благотворительностью, и при этом не отвечать за дальнейшую судьбу тех, кому помог.

— Останемся при своих понятиях, — почти разочарованно пробормотал Владимир.

— Хорошо. Тогда расскажу тебе небольшую притчу. В Китае существует такое представление: если ты спас человеку жизнь, то берёшь на себя ответственность за его дальнейшую судьбу. Я предложил людям новую, точнее — другую жизнь. Вот я за них и отвечаю.

То ли с гордостью, то ли с грустью произнёс это Юрий.

— Можно подумать, ты миссия.

Юрий усмехнулся.

— Ладно, не обижайся. Есть смысл и толк в твоей жизни. Расскажи лучше, как к вам приходят люди и могут ли они потом обратно вернуться? — уже с настоящим интересом спросил Круглов.

— На миссию я не обижаюсь. Я понимаю, что тебе трудно сразу проникнуться всей нашей жизнью. Но теперь о людях.

Юрий откинулся в кресле.

— К нам не приходят люди с улицы. О нас не пишут, у нас нет рекламы. В основном приходят по знакомству или те, кто узнал о нас, по слухам. Я сначала с каждым беседую. Беседую долго. Пытаюсь понять, что он за человек.

— Прямо собеседование? — усмехнулся Круглов.

— Можно и, так сказать. Только я не спрашиваю, сколько он хочет получать и умеет ли пользоваться компьютером. Я узнаю, что он может, кем работает, какие у него проблемы, семейное положение, что происходит в семье.

Юрий немного помолчал.

— Как и тебе, я не показываю человеку всю нижнюю часть айсберга. Только макушку. Чтобы не зародилась зависть или желание пустить слухи о какой-нибудь секте.

— Ну, насчёт секты ты сам понимаешь…

— Понимаю, — перебил его Юрий. — Если вижу, что человек открытый, прошу через несколько дней прийти с семьёй. Опять беседую. Рассказываю о трудностях и условиях жизни в общине. Даю время подумать.

— А потом?

— Потом собираем собрание общины. Выступаю я, рассказывает о себе семья, члены общины задают вопросы. Потом голосуем.

— Демократия?

— Почти, — улыбнулся Юрий. — Если хотя бы десятая часть против, то я или кто-нибудь другой из членов общины может поручиться за эту семью. Если против больше — отказываем.

— И всё?

— Нет. Даём испытательный срок: один год, один месяц и один день.

Круглов удивлённо поднял брови.

— Интересный срок. Почему именно так?

— Один день — день приезда. Мы даём временное жильё, мебель. Продукты на первое время: картошку, масло, муку, консервы и всё необходимое. Этот день нужен, чтобы люди подготовили свой дом: всё расставили по местам, навели порядок в погребе, во дворе. В общем, освоились в новом доме.

— А месяц?

— Месяц — чтобы втянуться в жизнь общины. Понять, чего от них хотят, познакомиться с людьми, как говорится, притереться друг к другу.

— А год?

— В течение года мы смотрим, как они живут, как работают, открыты ли для общения или сами по себе.

— А если у них есть квартира или дом там, откуда они приехали?

— Пока не пройдут испытательный срок, продавать своё жильё мы им не разрешаем. Личная собственность — это личная собственность. Это свято.

— А за что могут не принять после испытательного срока? — продолжал расспрашивать Владимир.

— Самое первое и основное — если половина общины проголосовала против окончательного приёма.

— И что тогда?

— За счёт общины мы перевозим людей обратно на прежнее место проживания. Платим выходное пособие. Приличное.

— Можете и раньше выгнать?

— Можем.

Юрий стал серьёзнее.

— Самое страшное у нас — пьянство. Всем членам общины запрещено приносить любое спиртное, не произведённое на нашей территории. А производим мы только вино.

Он кивнул на бутылку, стоявшую на столе.

— Стакан красного вина за ужином — личное дело каждого. Но если утром приходишь на работу в таком состоянии, что работать не можешь, — наказываем. И строго.

— Каким образом?

— Переводим на менее квалифицированную работу. Два раза в месяц повторилось — лишаем права голоса на собрании. Через три месяца постоянного пьянства — исключаем из общины.

— А если человек ещё на испытательном сроке?

— Тогда прощаемся сразу.

— Жёстко.

— А иначе нельзя.

Юрий немного помолчал.

— Курение у нас тоже запрещено.

— Совсем?

— Совсем. Привёз сигареты извне — лишаешься права голоса на собрании. Пытаешься курить дома и скрывать это — отвечать приходится уже всей семье.

— И много у вас не проходят испытательный срок? — с тревогой спросил Владимир.

— За двадцать лет окончательно исключили только одного. Спился. А испытательный срок не прошли две семьи. Одна сама уехала. Вторую попросили покинуть общину из-за постоянного нарушения наших правил.

— А как же вы отдыхаете? Как современные технологии? Компьютеры? — почти выкрикнул Круглов.

Юрий улыбнулся.

— Телевизоры, видеопроигрыватели, музыкальные центры у нас есть, если это тебя интересует. В посёлке проложена локальная компьютерная сеть. Она нужна и для работы, и для связи.

— А интернет?

— Пока без него прекрасно справляемся.

— Детям компьютеры разрешаете?

— Не скрою, мы ограничиваем детей в компьютерных играх. Можешь даже считать, что у нас есть цензура на некоторые игры.

— Демократия закончилась?

— Демократия не означает, что взрослые должны равнодушно смотреть, как дети тратят своё время на то, что им совершенно не нужно.

Круглов усмехнулся, но спорить не стал.

— Смотреть можно многое, — продолжал Юрий. — Но как ты будешь воспитывать в ребёнке добро и духовность, если постоянно показываешь ему жестокость, унижение и всё самое низкое, что есть в человеке?

— У меня прекрасная видеотека, — продолжил он. — Добрые фильмы: старые советские, европейские, современные американские. Мы не собираемся закрывать детей от мира. Просто хотим, чтобы они умели отличать хорошее от плохого.

— А отдых?

— Это только часть досуга. Летом отдыхать особо некогда. Зимой времени побольше. Каждый член общины сам выбирает, что ему интересно. Многие ездят в театры в областной центр.

Юрий улыбнулся.

— Ты только представь: в партере сидит вся городская элита, места стоят несколько сотен долларов. И вдруг целый ряд наших людей: женщины в дорогих вечерних платьях, мужчины в хороших костюмах.

— И что?

— А потом эта элита ещё долго думает, что приезжала какая-то иностранная делегация.

Юрий рассмеялся, явно получая удовольствие от этой мысли.

— А откуда вы всё это берёте? — уже с явным удивлением спросил Круглов.

— Есть у нас зимой ряд обязательных мероприятий. Наши люди должны хотя бы иногда выезжать за границу.

— Все?

— Не обязательно каждый год и не обязательно все сразу. Но стараемся, чтобы люди видели мир.

— И как вы там всё организуете?

— У нас налажены контакты практически со всеми европейскими странами. Вернее, не со странами, а с семьями, которые там живут. Вот оттуда и привозят последние модные вещи.

— Контрабандой? — прищурился Круглов.

— Нет, Володя, не контрабандой, — спокойно ответил Юрий. — Просто покупают и привозят для себя.

Он немного помолчал.

— Этим, кстати, в основном занимаются мой отец и мать. Нашу общину хорошо знают за границей, а на Родине о нас практически никто не слышал.

— Иностранцы к вам приезжают?

— Приезжают. Почему-то больше англичане. Хотя французов тоже немало.

Было видно, что Смирнов произносит это с явной гордостью.

Круглов заёрзал в плетёном кресле.

— Тогда как всё это связать воедино? Джинсы, косоворотки, европейский уровень жизни…

Юрий посмотрел куда-то вдаль.

— Мы, русские, никогда не станем французами, немцами или англичанами. У нас своя жизнь. Свои корни.

— И домострой?

— И домострой тоже. Только не тот, который многие себе представляют.

Юрий повернулся к гостю.

— Община — это русское явление. Не коммунистическое, не анархическое. Просто община. Когда пришло время, мы начали изучать русскую культуру и историю. И поняли: вот он, идейный фундамент нашего посёлка.

— Косоворотки, хороводы, хлеб-соль?

— Нет, — покачал головой Юрий. — Не просто косоворотки, хороводы и хлеб-соль. Это внешнее.

Он немного помолчал.

— Нам нужен был тот русский дух, та русская душа, которая умела быть доброй, щедрой, сильной и умной. Которая могла создать, защитить, помочь и не ждать за это награды.

— И что же вам не хватало?

— Двух вещей: общения с миром и образования.

— Образования? У вас же дети учатся в институтах.

— Сейчас — да. Но в самом начале мы поняли, насколько многое потеряно. Просто нашего человека семьдесят лет давила одна идеология, потом пришли новые времена, войны, бандитизм, желание быстро разбогатеть…

Голос Юрия стал тревожнее.

— Человек перестал понимать, кто он и зачем живёт.

— А если к вам придёт рэкет? Бандиты? — поинтересовался Круглов.

Юрий посмотрел ему прямо в глаза.

— Мы сможем дать отпор.

— Каким образом?

— Если хочешь мира — будь готов его защищать.

Несколько секунд они молчали.

— А вы верующие? — наконец спросил Круглов. — Молитесь? Посты соблюдаете?

Юрий задумался.

— Пока нет.

— Странно.

— Возможно. Но мы думаем построить церковь. Я чувствую, что необходимость уже назрела. Только пока собрание ещё не приняло окончательного решения.

Юрий поднял бокал и посмотрел на Круглова.

— Видишь, Володя, мы не идеальные. И наша община не идеальная. Мы просто пытаемся жить так, как считаем правильным.

Круглов взял свой бокал.

— А если окажется, что неправильно?

Юрий улыбнулся.

— Значит, будем учиться жить дальше.

Владимир Андреевич долго смотрел на хозяина дома. Потом медленно поднял бокал.

— За тех, кто ещё способен учиться.

Они выпили.

И на веранде снова повисла тишина. Но теперь она уже не была напряжённой.

Круглов думал.

И впервые за много лет ему казалось, что привычный мир, который он считал единственно возможным, начинает медленно давать трещину.

Глава 9. Земля, которая кормит

— Тяжело было вначале?

— Ужасно тяжело. Я тогда на первом курсе сельскохозяйственного института учился, разрывался между институтом и фермой. Тогда ещё была ферма. Если бы ты знал, как плакал мой отец, когда за год тяжёлого труда мы почти ничего не заработали. На голову не капало, с голоду не умерли, раздетыми не ходили — вот и всё, чего добились.

Руки матери, которая всю жизнь ходила с маникюром, превратились в огромные чёрные грабли. Лицо отца почернело, волосы выгорели на солнце. Отец понимал: и трёх жизней не хватит, чтобы сделать всё, что задумали. Он хотел всё бросить.

Но тогда мать проявила такую силу духа, какой я от неё никогда раньше не видел. Я до сих пор помню её слова:

— Я знала, что будет тяжело и не всё пойдёт гладко. Но мне нужны и ты, и твоя идея. За границей всё шло от деда к отцу, от отца к сыну, поколение за поколением. Мы прожили этот год не зря, и бросать всё на ветер не надо. Наш сын, наши внуки будут жить так, как мы задумали. Мы должны заложить фундамент. Нам хватит времени, пусть для этого придётся прожить три, а то и четыре жизни.

За второй год мы сделали раз в десять больше, чем за первый.

А потом пришла помощь, на которую мы даже не рассчитывали.

К нашим старожилам, тем самым старикам, приехал на Новый год сын. У него был отпуск, да и работал он в сельском хозяйстве: по образованию агроном, директор совхоза. Приехал помочь родителям, привёз деньги, продукты.

Но когда увидел, что мы подлатали им дом, покрасили, нарубили дров на зиму, обеспечили продуктами, сразу же прибежал к нам в гости.

Его удивлению не было конца. Долго у нас сидел, расспрашивал:

— Зачем? Как? Почему?

Когда понял, с какими трудностями мы столкнулись, рано утром уехал к себе.

Но за час до Нового года снова ввалился к нам и сделал подарок, которого мы никак не ожидали.

Он привёз расчёты и проект организации хозяйства для небольшой семьи. Тогда такие формы только начинали появляться. Семья могла брать в подряд участок земли или часть хозяйства, самостоятельно работать и получать доход за результаты своего труда. Позже по всей стране распространилось то, что стали называть семейным подрядом.

Проект был серьёзный, рассчитанный именно на наши земли. Видно было, что он давно вынашивал эту идею и не боялся заниматься тем, что ещё совсем недавно могло показаться слишком смелым.

Через месяц приехал его брат с женой. Узнав, что мы делаем, они продали свою квартиру в городе. Они были первыми, кто поверил в нашу идею.

Так и пошло-поехало, — закончил свой рассказ Юрий.

Ничего не сказал и не спросил Круглов. Только сидел, уставившись куда-то вдаль.

Думал о том, что с женой давно толком не живёт. О том, что не уберёг детей. О том, что работа, кроме денег, больше ничего не приносит. Что надоело поить и кормить эти зажравшиеся рыла, которые называют себя «слугами народа». Надоело постоянно быть настороже, не иметь права на ошибку, а за каждый промах расплачиваться собственным здоровьем.

Что-то шевелилось в душе, что-то менялось. Куда-то несло, закручивая в водоворот мыслей, обрывков прошлого, привычек и понятий, которыми он жил всю свою жизнь.

В голове был сумбур. Кавардак.

Он резко повернулся к Юрию.

— Возьмёшь меня к себе?!

— Нет, не возьму! — твёрдо сказал Смирнов.

— Почему? — вскрикнул Владимир.

— Ко мне идут люди не для того, чтобы решать свои вопросы и проблемы. Они не избалованы деньгами и властью. От чего ты хочешь убежать? Послушал меня час — и уже надумал жизнь менять. Тебе её не надо менять. Тебе её надо строить. Возможно, заново. У тебя всё есть. Налаживай отношения в семье, и тогда жизнь обретёт смысл.

Смирнов говорил, и Круглову казалось, что тот знает, о чём он думает.

— Да я смотрю, ты неплохой психолог, — уже сердито сказал Владимир Андреевич.

— Вот видишь, ещё минуту назад ты хотел приехать ко мне, а сейчас уже сердишься. Обдумай всё, что я тебе сказал. Приведи мысли в порядок. Пойдём спать, вставать рано, — предложил Юрий.

Спальня была большой и просторной. С одной стороны, находилась гардеробная, с другой — душ. Посреди комнаты стояла огромная белоснежная кровать с балдахином от комаров.

Круглов принял горячий душ, который, как ему показалось, смыл все мысли, а заодно и грехи. Тело расслабилось. Белые отутюженные простыни сразу погрузили его в сон.

Последняя мысль была:

«Чудно, однако, здесь всё».

И он уснул.

Солнце ещё даже не взошло, но на улице уже было светло. Круглов проснулся, посмотрел на часы. Было чуть меньше пяти.

«Пора вставать», — подумал Владимир.

Опять душ. Новая зубная щётка, новый станок для бритья, любезно оставленный хозяином, помогли Владимиру Андреевичу почувствовать себя директором банка — значащей и нужной персоной.

«Пойду будить этого недоумка», — подумал он о водителе.

И только вышел из спальни, как снизу донёсся голос Валентины:

— Володя, тебе чай или кофе?

— Чай, — почему-то ответил Владимир, хотя обычно пил кофе.

Спустившись по лестнице в гостиную, он увидел, что за столом никого нет. Только Валентина наливала ему чай.

— А где все? Ещё спят? — недоумевающе спросил Круглов.

— Муж на наряде. София на сборе помидоров. Игорь с Валерой пошли к Семёнычу джип ремонтировать. Вероника и Надюша сено ворочают. Глеб и Всеволод гусей пасут, — как ни в чём не бывало отчиталась Валя.

— А давно пошли джип ремонтировать?

— Уже как час. Семёныч любую машину реанимирует. Не переживайте, через час в городе будете, — успокоила гостя хозяйка.

— Ваши бы слова да Богу в уши, — только и успел произнести Круглов.

В окнах замелькал джип.

В дом ворвался улыбающийся Валера.

— Владимир Андреевич, всё готово! Представляете, автоматику выбило. Мистика какая-то! — громогласно сообщил водитель.

— Ты уже чай пил? — спросил директор банка.

— Да, уже и чай пил, и бутерброды ел, — не унимался Валера.

— Сколько мы вам должны за постояльство? — допивая чай, спросил Круглов.

— Эх, вы… — вздохнула Валя. — Вы так ничего и не поняли.

Она посмотрела Владимиру прямо в глаза. И сколько же жалости было в этих глазах… Его ещё никогда никто так не жалел.

Что-то снова зашевелилось в душе. Не то кошки лапами поскребли, не то совесть наконец проснулась.

— Бог даст, ещё свидимся, — прощалась Валя.

— Надеюсь, — растерянно сказал Владимир. — Спасибо за всё.

— Не за что, — просто ответила хозяйка.

— А где София? — немного выждав, спросил Валера.

— Она на сборе, так что не смогла с тобой попрощаться. Если хочешь её увидеть, приезжай в следующую субботу вечером, — пригласила Валентина.

— Да, я приеду. А можно в пятницу вечером?

Валя лукаво прищурилась.

— Тогда в субботу вместе с ней будешь на консервном работать.

— Я согласен! — чуть не подпрыгнул Валера.

— Поехали, Ромео, — приказал шеф.

Глава 10. Трещины в привычном мире

Прощание было недолгим. Как только джип тронулся, Круглов погрузился в раздумья.

Было видно невооружённым глазом, что во всём его теле полыхал огонь, который хотел сжечь всё старое, чтобы на пепле этого пожарища родился новый человек. Человек, который не будет делать вид, что живёт, а на самом деле будет жить. Вернёт себе жену, семью, детей.

Волна огня набегала за волной, сжигая старый мусор, но следующая волна сжигала новые ростки, которые ещё даже не успели понять, что они взошли.

«Так, всё будет иначе. Жену верну, детям помогу выпутаться из всего этого. Найду силы, слова, время. У меня всё получится. Я пройду с ними по тем дорожкам, тропинкам, местам, где мы любили бывать. У меня снова будет семья. Всё будет хорошо и по-новому», — планировал Владимир.

От мыслей его отвлёк шум шин джипа: закончилась хорошая дорога и началась грунтовка. Одновременно зазвонил мобильник. Круглов посмотрел на дисплей. Как всегда, в полвосьмого звонила секретарь, чтобы напомнить распорядок дня.

— Да, Марина, я слушаю.

Ему казалось, что роднее человека он ещё не слышал, но привычный и монотонный голос быстро привёл его в чувство.

— Доброе утро. У вас в восемь тридцать совещание с сотрудниками, в девять ноль-ноль приедут учредители, в одиннадцать приём по личным вопросам… — бубнила Марина.

«Вроде, как и не уезжал», — подумал Круглов.

— Спасибо, Мариночка.

— Спасибо? — удивлённо произнесла секретарь. Шеф её так ещё никогда не называл.

— Валера, давай заедем ко мне. Я возьму бумаги, а потом в банк.

— Как скажете.

— Ты выспался?

— Выспался, — ответил Валера. Его удивило: шеф раньше вообще не спрашивал ни о чём личном.

— Отгул нужен?

— Нет, спасибо, не нужен.

— Ну, смотри.

Маршрут был прост: квартира — банк. Минут десять возле подъезда и до обеда возле банка. Как всегда. Или почти, как всегда.

Круглов вбежал в квартиру. В квартире было пусто. Было ясно, что никого здесь не было, что опять Людка где-то ночевала.

Он включил автоответчик. Было пять звонков, и все от жены. Последняя запись была колоритной:

«Круглов, сволочь, я знаю, что ты дома. Не хочешь брать трубку — ну и хрен с тобой. Завтра приеду в банк, мне бабки нужны».

Владимир Андреевич взял документы и спустился по лестнице.

«Пусть приезжает, я её люблю. Поговорю, всё наладится», — подумал он.

Работа, дела, совещание, учредители. Никто даже не заметил, что он отсутствовал.

Маховик крутился и крутился, не хотел останавливаться.

Вечером приехала Людмила.

Ни «здрасьте», ни «до свиданья», ввалилась в кабинет, как к себе домой.

— Мне нужны деньги… — начала она.

— Люда, солнышко, я тебя люблю. Давай поговорим.

— ???

— Ты знаешь, за эти сутки произошли кое-какие события. Нам надо поговорить, — почти шёпотом говорил Владимир.

— Что, секретаршу трахнул? Для тебя это событие?

— Люда, не надо так. Поверь мне, я хочу всё изменить. Я хочу, чтобы у нас опять была семья, чтобы всё было как раньше, даже лучше. Наши прогулки под луной, по первому снегу, наши пикники на природе, бридж возле камина и так далее. Ты посмотри, что я натворил: ты меня не любишь, Юлька по рукам пошла, сын наркоман. Я хочу всё исправить. Я хочу вас всех вернуть.

— Круглов, ты чего? Меня там ждут.

— Не спеши, Люда. Давай поговорим прямо сейчас. Марина чай принесёт…

— Да иди ты на хрен со своим чаем, мне нужно пять тысяч зелёных и прямо сейчас! — заорала Круглова.

Володя ничего не сказал. Молча встал, молча открыл сейф, достал доллары и бросил на стол.

Так же молча его жена их загребла и удалилась, хлопнув дверью так, что зазвенело в голове Круглова.

Из этого же сейфа он достал бутылку коньяка, налил пятьдесят граммов. Выпил мелкими глоточками, сел, расслабился. Пульс в висках постепенно ослабевал.

Посмотрел на часы. Через пять минут его подчинённые пойдут по домам, а он наберёт знакомый номер. Опять ресторан, опять деловой ужин, плавно переходящий в бурное застолье, опять девки, опять деньги на ветер, опять косой взгляд водителя.

Его вдруг замутило. Ком подступил к горлу.

«А если на всё плюнуть, прийти домой, спокойно поужинать, лечь спать?» — пронеслось в голове.

— Марина, зайди ко мне, — позвал секретаря.

— Вот отчёт за неделю, а вот отчёт за сегодня, — как всегда начала секретарь.

— Марина! Ответь на один вопрос.

— Я слушаю.

— У тебя семья есть? Дети, муж?

— Конечно.

— Они тебя с работы ждут?

— Да.

— А почему ты задерживаешься? Я ведь немного тебе плачу, а ты работаешь иногда по двенадцать часов?

— Мы небогатые люди, и если я уйду, и мы не будем работать, то у нас не будет за что купить даже хлеб, — с комом в горле ответила Марина.

— А муж кем работает?

— На заводе, токарем.

Круглов посмотрел на своего секретаря, о чём-то задумался.

— Не всем же быть бизнесменами, кому-то надо быть и нормальными мужиками, — Марина запнулась.

— Я не обижаюсь. Я помню, у тебя ребёнок, когда я взял тебя на работу, ему было года три… а с мужем вы живёте…

— Десять лет, — опередила шефа Марина.

Круглов ещё немного помолчал.

— Так, последнее поручение на сегодня — составь список на премию. Внеси в него себя и моего водителя, — то ли приказал, то ли попросил Круглов.

— А какую сумму? — заиграли глаза Марины.

— Переведёшь двести долларов по курсу нашего банка, — констатировал шеф.

— Это по сто долларов?

— Нет, на каждого по двести.

Марина выпорхнула из кабинета.

Круглов снова погрузился в раздумья. Сидел и смотрел в одну точку.

Секретарь пришла минут через десять. Шеф поставил печати, расписался. Выдал наличные, Марина расписалась.

— Марина, если нетрудно, сбегай к Валере, отнеси ему деньги, пусть распишется, а завтра отдашь ведомость бухгалтеру. Да и скажи, пусть двигатель прогревает, — распорядился Круглов.

— А потом можно домой?

— Если хочешь, мы тебя подвезём.

Марина выпорхнула, потом впорхнула обратно, собралась.

День заканчивался спокойно, без приключений. Отвезли девушку, приехали к дому, где жил Круглов.

Всё просто и до автоматизма знакомо.

Глава 11. Когда поздно что-то менять

Володя поднялся в свою пустую квартиру. Включил телевизор — не потому, что хотел что-то смотреть, а просто чтобы в комнатах не было так тихо. Достал из холодильника консервированного тунца, отломал кусок батона, сварил кофе.

Тупо уставился в телевизор, жуя свой нехитрый ужин. Автоматически выпил кофе и так и заснул, сидя в кресле.

Снился какой-то сон: рай сменялся адом, ангелы — демонами, чёрные краски — иссиня-красными.

Сон прошёл сразу же, когда зазвонил дверной звонок.

Круглов подскочил, ещё не отошёл от сна, попытался сделать пару шагов, голова закружилась, он сел. Зазвонила мобила. Прогнав сон, он на ходу отвечал на звонок и включал домофон.

На экране домофона стоял милиционер, держа возле уха телефон.

— Кто там? — стандартно спросил Владимир, услышав, что его голос отфанивает в мобильнике.

— Капитан Овечкин, уголовный розыск, — отрапортовал милиционер.

— Ордер есть? — почему-то спросил директор банка.

— Круглова Юлия Владимировна — ваша дочь?

— Моя, а что?

— Мне надо с вами поговорить.

— Сейчас только проверю, кто вы.

Три часа ночи — время нешуточное. Круглов перезвонил в участок, убедился, что Овечкин действительно поехал именно к нему.

— Входите.

В квартиру вошёл Овечкин и ещё сержант.

— Владимир Андреевич, мне нужно сообщить вам очень тяжёлую новость. Лучше присядьте.

— Я вас слушаю, — присев, сказал Круглов.

— Два часа назад из отстойника выловили тело молодой девушки. При ней обнаружили сумочку с паспортом вашей дочери и вашу визитку. Вам надо проехать на опознание.

— Где она?

— В морге.

Голова пошла кругом. Не упасть в обморок Владимиру помог сержант — он уже держал наготове ампулу с нашатырём и дал ему понюхать.

Постепенно Круглов пришёл в себя.

— Что надо взять с собой?

— Паспорт, фотографии дочери.

— Единственное… я перезвоню одному человеку. Если вдруг что случится, чтобы он меня подстраховал.

Владимир Андреевич набрал номер Кузнецова.

— Узнал, прости, что поздно. Возьми листок и ручку, пиши: «Капитан Овечкин, уголовный розыск». Если пропаду, будешь знать, кого напрягать.

Милицейский «бобик» летел быстро. Через полчаса они уже входили в морг.

Всё плыло перед глазами, всё было каким-то нереальным.

Его подвели к столу. На нём лежала молодая девушка, накрытая медицинской простынёй.

Круглов смотрел и несколько секунд ничего не понимал.

Потом узнал.

— Юля…

Ноги перестали его держать. Владимир упал, захлёбываясь от горя.

Узнать дочь было легко. А то, что с ней произошло, не укладывалось в человеческом сознании.

Когда Круглов немного пришёл в себя, до него донеслись обрывки разговора:

— Смерть однозначная — огнестрельное…

— Почти в упор…

— Оружие необычное…

— Уже встречалось раньше…

Владимир почти не слушал. Всё вокруг сливалось в какой-то гул.

Но одно слово вдруг прорвалось сквозь этот гул.

Болезнь.

Запущенная.

Лечить можно было.

Круглов подскочил.

— Что?! — заорал он.

— Тихо, тихо, успокойтесь, — сказал Овечкин.

Судмедэксперт спокойно объяснил:

— У неё была запущенная форма сифилиса. Но ещё не последняя стадия. Это можно было лечить. Похоже, к врачам она не обращалась.

— Господи, прости меня… — взвыл Круглов. — Не усмотрел. Не уберёг. Прости меня, доченька…

Его отвели в кабинет патологоанатома. Налили полстакана спирта. Минут через пятнадцать он немного пришёл в себя.

— Когда можно будет забрать? Похоронить?

— Я вам сообщу. Готовьтесь пока.

Овечкин отвёз убитого горем отца домой.

Светало.

Круглов присел в кресло.

Жизнь рушилась. Не как дом, из которого вытащили один камень. Казалось, кто-то разом выдернул весь фундамент, и теперь всё, что он строил столько лет, летело вниз.

Ещё два дня назад он был кем-то значимым.

А сегодня жизнь рушилась.

«Надо позвонить жене, сообщить».

Он подскочил, набрал номер.

Она не отвечала.

«Возьми, возьми, ответь».

Не отвечала.

«Где же ты, на каком курорте? Людочка, ответь, позвони».

Тишина.

Наконец ответила.

На том конце слышался смех.

— Алло. Слушаю, — раздался голос Людки.

— Люда, это Володя…

— Чего надо? Зачем звонишь? — смех не прекращался.

— Юля погибла. Я был на опознании.

— Что ты говоришь, Круглов?

На том конце снова раздался смех.

— Юля погибла. Приезжай. Я в морге был.

— Не, Круглов, я на Канарах. Через месяц буду.

— Ты, дура, что, не поняла? Дочь наша погибла! — уже орал Владимир.

— Да пошёл ты, Круглов, со своими детьми. Не приеду я.

Она бросила трубку.

Бледный как стена, Володя стоял посреди комнаты. Реальность пропадала.

Он присел на пол и заплакал. Горе переполняло всю душу, оно лилось, не переставая. Впервые за много лет Владимир Андреевич Круглов не думал ни о банке, ни о деньгах, ни о завтрашнем дне. Он думал только о дочери.

И понимал: пришло время расплаты. Не только за то, что он сделал. Но и за то, чего мог не допустить. За всё, что мог сделать — и не сделал.

Глава 12. Последние приготовления

Часы запикали.

Восемь.

Он не помнил, как оказался в кресле. Помнил только пол — холодный ламинат. Помнил, как звонил Кузнецову и диктовал:

— Капитан Овечкин, уголовный розыск.

А дальше — провал.

Видимо, всё-таки пересел. Или его пересадили.

Круглов снял трубку, набрал секретаря.

— Марина, это Круглов. Я сегодня не выйду. У меня дочь погибла. Пусть Кузнецов ко мне заедет.

Пауза. Слышно было, как она дышит.

— Владимир Андреевич, я могу чем-нибудь помочь?

— Да. Обзвони столовые. Найди место для поминок.

— На, когда?

— Чуть позже сообщу.

— Найду обязательно.

Кузнецов приехал почти сразу. Взял с собой Валеру, но уже не как водителя.

Увидел шефа сидящим на полу — там же, где оставил ночью. Или снова. Кузнецов не стал спрашивать.

— Владимир Андреевич, — потрогал его за плечо.

Шеф поднял заплаканные глаза. Взгляд был пустой, неживой. Кузнецову это не понравилось.

— Как вы себя чувствуете?

Молчание.

— Не надо на полу. Давайте на диван.

Он легко поднял Владимира. Тот был лёгкий, словно из него за одну ночь выпустили всё, что держало человека на ногах, и посадил на диван.

— Вы меня слышите?.. Да поговорите вы со мной. Вы что, умереть собрались? А кто её похоронит? Да я этого гада найду. Я ему покажу, как детей убивать…

Взгляд Круглова немного прояснился.

— Найди его. Ничего не пожалею. Всё отдам.

— Найдём, — твёрдо сказал Кузнецов. — Найдём.

Неважно было, что говорить. Главное — вывести шефа из этого страшного оцепенения.

Кузнецов открыл бар, налил коньяка и протянул стакан.

— Сделайте глоток. А лучше весь.

Круглов сделал глоток, заморгал, потом допил. Упёрся ладонью в переносицу. Голова понемногу прояснялась.

— Серёж, организуй похороны. Найди бюро. Всё должно быть по высшему разряду.

— Некролог в газету?

— Да. На полосу, с фотографией.

Круглов достал из внутреннего кармана фотографию дочери и отдал Кузнецову.

— Сына привези.

— Пока не надо. Рано ещё.

Соврал. Кузнецов знал, что врёт. И знал зачем.

Не о том сейчас.

— Жене звонили?

Круглов посмотрел на него.

Кузнецов невольно отшатнулся. Столько ненависти он давно не видел в глазах человека.

— Сволочь она. На похороны не приедет. Убью, если увижу, — процедил Круглов сквозь зубы.

— Я тогда поехал. Ещё распоряжения будут?

Кузнецов уже поднимался, чтобы уйти. Не хотел возвращаться к тем обещаниям, которые надавал десять минут назад. Не успел.

— Найди мне, кто это сделал.

— Что? — сделал вид, что не расслышал.

— Найди мне этого гада. Я хочу знать, кто убил мою дочь.

— Зацепки есть? — уже более серьёзно спросил Сергей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.